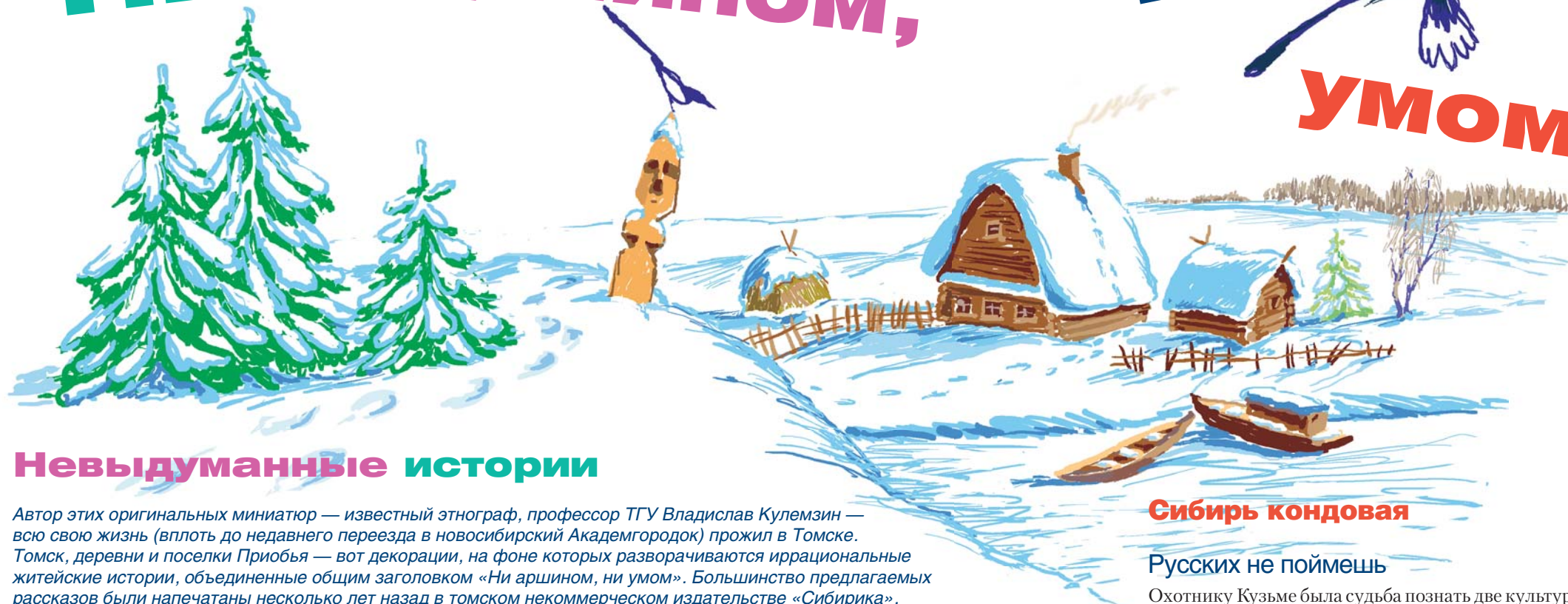

Ни аршином,

В. М. КУЛЕМЗИН

Невыдуманные истории

Автор этих оригинальных миниатюр — известный этнограф, профессор ТГУ Владислав Кулемзин — всю свою жизнь (вплоть до недавнего переезда в новосибирский Академгородок) прожил в Томске. Томск, деревни и поселки Приобья — вот декорации, на фоне которых разворачиваются иррациональные житейские истории, объединенные общим заголовком «Ни аршином, ни умом». Большинство предлагаемых рассказов были напечатаны несколько лет назад в томском некоммерческом издательстве «Сибирика», но чрезвычайно маленьким тиражом, и, публикуя их сейчас, редакция журнала «Наука из первых рук» надеется сделать подарок по-настоящему широкой читательской аудитории

От автора

В моем архиве десятки тетрадей с полевыми материалами научного характера и одна отдельная, куда я много лет записывал разного рода курьезы, примечательные или комические случаи, которые происходили на городских и деревенских улицах и в научных экспедициях, на заседаниях лабораторий и посреди обычной бытовой суеты. Героями таких историй становились простые колхозники, охотники, рыбаки и коллеги-ученые.

Почему курьезы? Потому что любопытные, забавные, смешные обстоятельства и происшествия только и могут иногда проявить скрытую суть явлений; лишь в том благожелательном настрое, который они вызывают, и можно более справедливо оценить русский, сибирский характер, нашу ментальность — ту самую, которую умом не понять, «аршином общим не измерить».

Эти истории я много раз устно представлял вниманию самых разных людей. Поначалу они часто вызывают смех, а затем наводят на размышления. Один из маститых моих зрителей внимательно слушал и хохотал вместе с другими, а потом сказал: «Здесь

больше серьезного, чем смешного». Я встречал также людей, которые видят в этих зарисовках сплошное однообразие: какая-то выпивка, какие-то дурацкие разговоры. На это я не обижаюсь ни капельки. У меня есть приятели — высшего класса шахматисты. Когда они показывают остроумный ход в партии Алехин — Капабланка, я не понимаю, в чем гениальность человека, продвинувшего пешку. Не хотелось бы только, чтобы написанное мною воспринималось как пасквиль. Полагаю, что на самом деле получилось несколько специфических этнографических срезов, позволяющих уловить некоторые особенности различных сословий современной Сибири, а значит, и России. Мои «картинки с натуры» дают представление о несгибаемости и одновременно пластичности нашего народа. Они демонстрируют его оптимизм, оснований для которого почти нет. Может быть, у меня не всегда достает языковых средств для расшифровки подсмотренных мною курьезов, передачи связанных с ними ощущений. Пусть каждый упражняется в этом деле самостоятельно

Ни умом

Сибирь кондовая

Русских не поймешь

Охотнику Кузьме была судьба познать две культуры: свою, хантыйскую, и русскую. Это меня в нем привлекало не только как профессионала, но и как человека. Однажды он сказал:

— Вас, русских, не поймешь: одним вы платите за то, что лес рубят, другим — за то, что лес садят; женщинам даете ордена за то, что они рожают, а мужчинам — за то, что убивают.

Что сибиряку хорошо — то немцу смерть!

Кандидатскую диссертацию я защищал в Институте этнографии в Ленинграде в 1974 г. Поэтому в начале семидесятых мне приходилось бывать в городе на Неве довольно часто: сдавать экзамены, присутствовать на обсуждениях и т. д. Жил я почти всегда в аспирантском общежитии (для иностранцев) на Васильевском острове.

В соседней комнате обитали два высоченных немца. Я с ними знаком не был, но видел, что в туфли на ночь они вставляют металлические распорки, отчего носки их обуви всегда были прямыми.

Один их приятель жил в нашей комнате и привез однажды из Германии пиво в банках — для нас в те времена невидаль. Привез он шестьдесят банок в двух плетеных

корзинах, которые купил на рынке как сувенир. Немцы поделились соображениями, что если вечером выпивать вместе с остальными жильцами по банке, то пива хватит до следующих каникул.

Однако вышло все по-русски: запас пива был кончен в один вечер.

Захмелевший, я улегся на свое место, оставив на ночь форточку открытой. Утром мой бок оказался в пыли, саже и копоти: на стройплощадке по соседству забивали сваи. Я пошел в душевую.

Я поочередно крутил вентили то в одной кабине, то в другой, но горячей воды не было, а поскольку уже разделся, то решил принять хоть холодный душ. Когда был весь в мыльной пене, в душевую вошли два других немца, недавно поселившихся в соседней комнате. Они пребывали в уверенности, что я моюсь под горячей струей, и смело заняли свободные места. Но, как ни крутили краны, вода горячая не шла. Они обошли все кабины и все поглядывали в мою сторону. Наконец, один спросил по-русски:

— Разве нет горячей воды?

— А черт ее знает, — ответил я.

Тогда другой заговорил по-немецки, однако не сводя с меня глаз:

— *Warscheinlich, ist er aus Sibirien... kaltes und warmes Wasser unterscheidet nicht* (Вероятно, он из Сибири... Холодную и горячую воду не различает).

И они быстро стали одеваться.

Безыдейный медведь

Этот случай произошел в поселке Корлики в 1970 г.

Ханты, добыв медведя, отрезают у него кончик носа. Они думают, что тогда возвращенный к жизни зверь (для чего нельзя дробить кости при варке мяса) не сможет учуять, узнать убитого его охотника при новой встрече в лесу. Если медведь узнает — задерет.

Действительно, я много видел медвежьих шкур с отрезанными носами; у меня тоже была шкура без носа.

На этот раз местный охотник Иван Кунин собрался в верховья Ваха еще с тремя товарищами (там была обнаружена берлога). Я попросил Ивана, чтобы он сделал исключение и не отрезал медвежьего носа: шкуру я обещал у него взять в Томск.

Через два дня охотники привезли медведя, освежевали и позвали меня посмотреть шкуру. Нос был отрезан. Я был готов к такому исходу, но тем не менее высказал свое неудовольствие Ивану:

— Я же тебя просил не отрезать носа: это старые ханты верят в оживление медведя, а ты коммунист, жена у тебя учительница.

— Владислав Михайлович, ты вот ученый, а не понимаешь, что медведь не будет разбираться, коммунист ты или не коммунист, — поймает в лесу и задавит.

Деликатность

Как-то ночью (1970 г., поселок Корлики) пришел ко мне пьяный пожилой хант и попросил чего-нибудь выпить.

Я спросил, с какой стати он пришел именно ко мне. Он простодушно сказал, что я единственный житель деревни, к которому он не обращался за выпивкой.

На вопрос, почему пришел ночью, он ответил, что днем у него была водка и нужды беспокоить меня не было.

Сам себе голова

Прежде чем продолжить путь по реке Нюрольке, мне нужно было наполнить канистры бензином в поселке Мыльджино. С канистрами я подошел ранним утром к маленькой конторке. В ее дворе располагались какие-то склады.

Осмотрев тесовые ворота с большим висячим замком и выбитые доски рядом с воротами, я от нечего делать стал внимательно изучать призывы и социалистические обязательства мыльджинцев, вывешенные на заборе у входа. Одно сообразательство показалось мне особенно интересным: «Сэкономим в 1971 г. 1500 метров стального троса!».

Наконец, пришел мужчина с ключом и стал открывать ворота. Тут и был случай спросить, как нюрольцы собираются экономить стальной трос.

— Я не знаю, как они будут экономить этот трос, — мужчина поднял вверх указательный палец, видно, подразумевая начальство, — а мне сколь надо, столь я и отрублю.

Дикие нравы

В 1993 г. в Норвегии проходил международный съезд оленеводов. Туда попал казымский хант, бригадир оленьего стада. На съезде присутствовали и японцы. Хант-олeneвод познакомился с японкой и, не заезжая на Казым, улетел с новой знакомой в Страну восходящего солнца.

Там они зарегистрировались и прожили в полном согласии три года. Прожили бы, может, и больше, да только хант вдруг разочаровался в Японии, японцах и своей японке и вернулся в Россию, в родное оленье стадо на прежнюю должность.

В Ханты-Мансийске его встретила этнограф Н. Лукина и спросила, в чем причина поспешного бегства из столь прекрасной страны.

— У них дикие нравы, — ответил хант. — Там родители детям деньги дают под проценты.

Испытание на мужество

Шел я раз по широкой улице села Тискино, под городом Колпашевым. Спешил: надвигалась черно-лиловая громадная туча.

Щелкнули по крышам первые градины, дохнуло холодом. Все живое попряталось куда только можно. Улица стала пустынной. Прижался к стене дома и я, встав под навес.

Вдруг из соседнего дома выскочил мальчишка лет восьми-девяти и стал носиться по улице кругами, сделав руки так, будто едет на мотоцикле.

— Р-р-р-р... р-р-р... р-р-р... — рычал он, «застряв» в луже. Град колотил его по обнаженной голове, но он рычал и толкал свой «мотоцикл» вперед, пока не прекратилась непогода.

Туча прошла, кончился и дождь и град — только тогда мокрый пацан побрел в свой двор.

Черт попутал

Однажды во время экспедиции на Юган (1974 г.) мой проводник А. Мултанов в темноте указал место, где мы будем ночевать.

Он топтался, что-то искал, прежде уже сняв с себя патронташ с заряженными патронами. Забыв про него, он принес охапку хвороста и поджег, чтобы было светлее. Вскоре раздался выстрел, мы отскочили в сторону.

Я стал считать выстрелы, чтобы потом подойти к нашим вещам. Спрятавшись за дерево, их считал и проводник-хант. Я знал, что патронташ был занят весь, в нем двадцать патронов. Когда прогремел девятнадцатый выстрел, хант смело вышел к костру.

— Подожди, — остановил я его. — Еще один сейчас стрельнет.

— Нет, — ответил он твердо. — Я тоже считал. Это двадцатый был.

Едва договорил он последнее слово, как раздался еще выстрел.

Но проводник уверял меня, что это двадцать первый патрон и бросил его черт, чтобы прогнать нас с этого места. Черт его и закружил, почему он (то есть проводник) и развел костер на патронташе.

Центр мира

— Поедешь, отец, со мной в город? Бросай свиней, корову. Хватит раком стоять в огороде. Поживешь маленько по-человечески. Не хошь без дела сидеть — сторожем можно. Ты, поди, и в городе-то не был?

— Не поеду я отсель. А в городе я тыщу раз бывал. Там... там... до деревни далеко.

Ученый круг

Философское мышление

В 1983 г. мы всем университетом плюс физико-технический институт работали на заготовке кормов в селе Ольговка.

Жили в палатках, у нас были свои склады, где инструмент выдавал философ.

Другой философ, дежурный по кухне, подошел как-то к нему со сломанным топорищем.

— Колуну пришел кондец, — объяснил он заведующему складом.

— Всему приходит кондец, — спокойно отвечивал тот.

Когда физический труд — умственный

На обсуждении 800-страничной рукописи докторской диссертации Л. Боженко (а в описываемые времена еще не было ограничений по объему) А. Бородавкин сказал, что вот так стирается разница между трудом умственным и физическим.

Наука и жизнь

Брат Анатолий живет в Кемерове в элитном доме, рядом с университетом.

Подъезд внутри и снаружи чистит, скребет, моет

древняя сухонькая старушонка, и метла ее как продолжение руки.

Однажды в ее присутствии бородатый профессор спросил другого:

— Марк Ефимыч, вы послали тезисы на симпозиум по теориям конвергенции?

Брат Анатолий не расслышал, что ответил философ, но старушка сказала:

— Курей нажрут и болтают чё попало.

Цена диссертации

Однажды на заседание нашей лаборатории археологии был приглашен ректор Ю. Макушкин. Он держал довольно длинную речь об успехах университета в 1982 г.

— Проведено 46 конференций, выпущено много специалистов, защищена 21 диссертация, — подытожил оратор. — К сожалению, — добавил он, — были и отрицательные моменты. Например, 21 раз приходили сообщения из медвытрезвителя.

Гуманитарии мыслят отвлеченно

У моего приятеля В. Пензина, специалиста гуманитарного профиля, однажды отказал висящий на стене динамик. Тот позвонил в мастерскую, пришел мастер и обнаружил, что, двигая туда и обратно занавеску, хозяева расшатали вилку динамика, которую мастер тут же и прижал плотней. Радио заговорило. Мастер ничего не сказал, только покачал головой.

А преподаватель с кафедры филологии Н. Хаустов купил новую лампочку, чтобы в холодильнике заменить сгоревшую. Но так и не сменил, потому что не нашел, где она ввернута.

— Там же темно, — объяснил он.

Секреты содействительности

Собирались мы в 1981 г. на научную конференцию в Новосибирск. Она проходила с участием венгров, поэтому к докладом надлежало приложить акт экспертизы. Председателем экспертной комиссии был С. Григорьевич. К нему я понес свой до-

клад и доклад Н. Лукиной, которая в Новосибирск должна была прибыть из Ленинграда.

Экспертный бланк на мой доклад он подписал быстро, а глядя на заглавие Лукиной, задумался:

— О какой пище идет речь? Если о традиционной хантыйской, то подпишу, поскольку здесь нет никакой тайны, а если о современной, то я подписывать воздерживаюсь.

Традиция или инновация?

Чумай и Кураково разделяет широкая, но неглубокая река.

Собравшиеся на пристани люди с нетерпением ожидали прибытия с противоположного берега паром, но паромщик, выйдя из избушки, провел ладонью ниже пояса. Все поняли: мелко, паром не пойдет.

Тут подъехал на телеге крепкого сложения старик со своей старухой. По всему было видно, что они спешили.

Старик оценил обстановку, что-то сказал вполголоса старухе, та одобрительно кивнула. Не мешкая ни минуты, он взял косу, накосил травы, положил на телегу, которая сразу стала выше сантиметров на двадцать. Потом встал на телегу в рост, взял в руки вожжи, а старуха пристроилась между ног своего кучера на четвереньках.

Среди наблюдавших эту сцену глаз было две пары этнографических.

Телега постепенно приближалась к противоположному берегу. У старика в воде были только ноги по щиколотку, а у старухи — еще и руки.

Когда лошадь вышла из воды, то этнограф, занимающийся духовной культурой, спросил у этнографа, занимающегося культурой материальной:

— Почему старуха не сидела на телеге, а стояла на четвереньках?

— Женщины не любят, когда у них мокнет и мерзнет заднее место. Старик тоже не мог сесть, потому что старуху надо было держать, иначе она могла свалиться в воду. К тому же она придавала устойчивость старику.

Потом этнограф материальной культуры спросил у этнографа духовной культуры:

— Как ты думаешь, наблюдаемый способ — традиция или инновация?

— Конечно, это инновация, потому что местные хохочут и удивляются еще больше, чем этнографы.

Так была разгадана еще одна тайна, связанная с отмиранием старого и возникновением нового в традиционных культурах.

От судьбы не уйдешь

Заместитель директора Института этнографии в Москве Соломон Ильич Брук в 90-е гг. был уже до-

вольно старенький. Он стал часто прибалывать: сердце. Конечно, вызывал участкового врача, после посещения которого ему делалось хуже. Наконец, он этого врача выгнал.

Тогда Брук, коренной москвич, решил уехать навсегда в Израиль и объяснил это тем, что именно там его смогут вылечить, ибо здесь со своим участковым врачом он окончательно разругался.

— Вот дождусь визы — в Израиле меня лечить будет нормальный врач, — говорил он.

Брук уехал в Иерусалим, первое время чувствовал себя совершенно здоровым, а потом заболел и вызвал врача. Пришел... тот же самый.

Едва он появился в дверях, как Соломона Ильича хватил удар.

Картинки с натуры

Непобежденный

Однажды в общей парилке бани на улице Советской (1964 г.) мы с однокашником В. Шершневым были свидетелями такой сцены: два старика поспорили, кто дольше сможет париться. Пospорили на литр вина.

Мы стояли внизу, а старики на полке хлестали себя вениками, поддавая пару. Наконец, мы не выдержали и вышли.

Один из них запел песню, а другой выскочил. Песня быстро кончилась, и старик замолк вообще.

Мы с Шершневым зашли и увидели, что старик лежит. За ноги и за руки вытащили его из парной, приложили к стене. Он был без сознания. Кто-то плеснул на него таз холодной воды.

Старик открыл глаза и блуждающим взглядом обвел

обступивших его голых мужиков. Узнав того, с кем спорил, сказал едва слышно:

— Проспорил? Беги, чего стоишь?

Самоидентификация

Мы гостили на даче у сестры Нины. Накануне она сдала экзамен по пчеловодству, получила диплом и теперь рассказывала с большим увлечением о сложной организации пчелиной жизни.

— Рабочая пчела, — тыкала она себя пальцем в грудь, — вылетает за медосбором лишь только высохнет роса, и работает она весь медосбор, а живет всего дней двадцать. А трутней, — перевела взгляд она совсем непроизвольно на своего мужа, — рабочие пчелы выталкивают из улья еще до медосбора.

Профилактическая мера

Солнечное затмение 31 июля 1981 г. застало меня в скверике одного дома.

Там стояла группа ребятшек, которые смотрели на солнце через закопченное стекло. Посматривали на него и сидящие на скамейке двое пожилых мужчин, правда, невооруженным глазом.

— Наливай еще по одной, — сказал один другому. — Может, пронесет.

Из уважения к бумагам

В поселке Полноват Томской области, где я собирал материал среди хантов, со мной на квартире стоял художник С. Кутырев. Он написал несколько этюдов, а одну картину закончил. Ее хотел купить директор местной школы. Художник просил за нее триста рублей, а директор давал двести.

Поскольку в доме, где мы стояли, была всего одна комната, то картины просыхали в сенцах и на завалинке. Как-то утром вошел художник с улицы смурной, проворчал:

— Черт возьми, забыл вчера картину занести, угол отжевал баран. Ладно, я ее подклею, подправлю, отдам за двести.

В этот же день до директора дошли слухи, что этот художник какой-то знаменитый, а не просто любитель. Он пришел с твердым решением купить.

— Я не могу продать картину с дефектом за полную стоимость, — сказал художник.

— А я не могу купить ее дешевле, чем за триста рублей, — оправдывался директор. — Бумаги уже заполнены.

Ларчик просто открывался

Наша группа этнографов приехала в маленький поселок Аган. Надо было его обследовать, пока не прибыли нефтяники: здесь жили ненцы и ханты.

В сельсовете нам выдали разрешение на размещение в школьном интернате. Но как туда попасть? На дверях висел замок. Послали мы самого длинноногого Женю Титаренко к директору школы, потом он пошел к завхозу, но ключ оказался у воспитателя интерната. Стал Женя искать воспитателя.

Надо же: в грибно-ягодное время, когда все жители, даже хромые и горбатые, собирают в лесу орехи, грибы и прочие дикоросы, воспитатель интерната был у себя в ограде. Он расстелил кусок брезента и шелушил экспериментально выращенные подсолнухи.

Когда Женя изложил свою просьбу, тот вместо ключа дал совет:

— Откройте любым гвоздиком.

Завтра — это наше сегодня

— Света, у тебя пирожки вчерашние или сегодняшние?

— Вчерашние.

— А когда будут сегодняшние?

— Завтра.

Несладкая жизнь

Один мужчина подробно рассказывал, как можно приготовить варенье без сахара, причем хранится оно сравнительно долго.

- Сколько хранится? — захотел уточнить собеседник.
- Долго, — ответил первый.
- Как долго?
- Пока не съешь.

Новогоднее

Выдержка

Встреча 1986 г. была первой безалкогольной.

Наша лаборатория это мероприятие устраивала в кафе на улице Никитина, 4. Все сидели, пили чай, ели торт, кое-кто пытался веселить публику. Ничего не помогало! Тогда Миша Шуньков посмотрел на часы и сказал:

— Уже сорок минут продержались!

По образу и подобию

— Вы почему так долго елку рубили? Мы уже замерзли вас ждать.

— Ну, я одну срубил, хотел было уже тащить к дороге, смотрю, другая стоит. Я ее и взял. Она не такая стройная, как первая, не такая густая, не так уж высокая, а все же лучше первой.

— У тебя и баба такая. Рябая, корявая, с бельмом, а все лучше остальных.

«Невероятное»

Это рассказ про доктора исторических наук томича А. Топчего, доктора исторических наук омского этнографа Н. Томилова и томского этнографа В. Кулемзина, тогда еще только кандидата.

Дело было в 1981 г. накануне Нового года по старому стилю, то есть 13 января по новому. Я сидел в библиотеке, когда подошел Томилов, с которым когда-то вместе учились и работали. Мы спустились вниз, чтобы сделать перекур. Внизу столкнулись с Топчим, который поднимался вверх, чтобы сдать книги. Он сказал, что дело к вечеру, пожалуй, хватит заниматься. Мы тоже решили сдать книги.

Топчий (короче, Толя), Томилов (Коля) и Кулемзин (Владька), по Толиному предложению, поехали к нему, не более как часа на два. Больше мы не могли, потому что в десять вечера должна была прийти с работы Толина жена, Надя.

Вскоре мы сидели на его кухне. Ясно, что было весело, потому что на столе стояла водка, вино и всякая снедь. Потом Толя стал все чаще поглядывать на часы, но момент прозевал: пришла хозяйка. Ради такта мы не подскочили от неожиданности, а минут десять-пятнад-

цать продолжали беседу, изменив, правда, ее содержание. Стали говорить о том вкладе, который сделали в науку в последнее время томские историки, и особенно Толя.

Потом мы начали собираться, а Толя на босу ногу надел ботинки, чтобы нас проводить хотя бы до следующей лестничной площадки. Это видела Надя, и он демонстративно не стал зашнуровывать ботинки (ему-де сейчас возвращаться). Я обратил внимание на все это и сказал, чтобы слышала Надя:

— Толя, ты зашнурил бы ботинки: ведь уходим на всю ночь и неизвестно, когда ты вернешься.

На его защиту встала жена:

— Кулемзин никак не может, чтобы не выдумать самое невероятное.

Все дружно захохотали.

Когда вышли в коридор, Толя решил нас проводить на улицу, и там мы стали прощаться.

Вдруг Коля воскликнул:

— Какая великолепная погода! Пойдемте, вот соседний дом, в нем живет Коля Семенов, поздравим его с Новым годом и разойдемся. Буквально тридцать метров...

Отец и сын Семеновы занимались ремонтом.

— Как вы кстати пришли! — обрадовался хозяин. — У меня жена в Минске на курсах повышения квалификации. На днях она была здесь и привезла несколько бутылок чешского ликера.

Мужчины сели за стол, а сын-школьник, естественно, пошел спать. Толю я успокоил: сейчас, мол, выпьем по рюмке ликера, я тебя провожу, а вслед за тобой и сам домой поеду.

Пошли тосты, анекдоты, воспоминания, опять тосты...

В четыре часа ночи хозяин предложил всем постель. Мой дом был на противоположном конце города, и я решил часа два-три поспать здесь. Толя стал обуваться. Я видел, как он тщательно зашнуровывал ботинки, и не удержался:

— Толя, не зашнуровывай ботинки, ведь тебя жена не впустит.

— Вечно ты придумашь, — ответил Толя уходя.

Через пять минут он вернулся и доложил: мол, замок открыл, а цепочку не мог снять. На цепочку жена-де закрывает, когда сильно рассердится.

Так с нами лег спать и Толя.

Утром проснулись довольно бодренькие и, сказав друг другу «С Новым годом!», стали собираться. Командированный Коля Томилов остановился в гостинице «Томск», и ему было проще всего. А вот как быть нам? Тогда Коля сказал:

— Поднимемся ко мне в номер, выпьем по кружке пива и разберемся.

В гостиничном буфете пива не было. Пришлось взять коньяк, а за

пивом съездили в ларек на рынок. Толя, выпив бутылку пива, ушел домой. Было еще утро.

Пора и мне. Тут Коля предложил:

— Давай позвоним Толе. Узнаем, как у него отношения с женой... Это чтоб тебе было проще ориентироваться.

Он набрал номер.

— Толя, как дела? Если все нормально, заходи к нам, это же рядом.

— Да мало-помалу утряслось, правда, не до конца. Собираюсь в погреб, надо взять бочонок капусты, а там видно будет... Пожалуй, я останусь дома, спасибо за приглашение. Да и Кулемзин уедет. Давайте уж отдохнем.

Мы еще сидели за столом, когда увидели в окно, как мимо гостиницы Толя тянет санки с бочонком. Мы его окликнули через форточку:

— Заходи, посиди минут пятнадцать-двадцать, скажешь дома, что снег пришлось отбрасывать.

— А бочонок куда? На улице его свистнут.

— Занеси, мы же недолго здесь будем.

Вскоре в прихожей появился небольшой аккуратный бочонок.

Кому надо — пиво, кому — коньяк. Капуста у нас была своя, черствые пирожки с базара, хлеб взяли в буфете.

После обеда встал вопрос: поедет ли Кулемзин домой один или со всей группой — для смягчения семейной обстановки? И если с группой, то куда девать бочонок?

Решили так: Толя набирает банку капусты и идет с ней домой, раз уж тяжело тащить весь бочонок, санки пусть остаются в вестибюле. А Кулемзина надо проводить; сейчас позвоним Коле Семенову, он тоже придет.

К Кулемзину отправились два Коли и сам Кулемзин, но поскольку там вежливого разговора не получилось, несмотря на дипломатические способности Томилова, то решено было ехать к другому приятелю — Юре Плотникову.

Общество сидело за столом, и мы оказались кстати. Коля Томилов был гостем в Томске, ему уделили много внимания — и ему же пришлось чаще всего говорить тосты.

Потом он обратился ко мне:

— Владька, у меня на брюках порвался замок, на гультфике... Я не смогу больше вставать, очередные тосты за тобой.

От Юры вернулись уже поздно вечером в гостиницу, смотрели по телевизору «Голубой огонек». Потом вызвали такси, а до такси мне помогли дойти два Коли.

А Толя больше так и не появился.

...Через два дня я зашел в гостиницу, чтобы навестить Томилова. Дверь в номер была приоткрыта, в коридоре стояла дежурная с пылесосом.

— Николай Аркадьевич уже оставил номер? — вежливо осведомился этнограф Кулемзин.

— Да, он собрал вещи и уехал. Но как-то странно. Он забыл взять... бочонок с капустой.

